

УДК 1(091)(47):930.1
ББК 87.3(2)522:63.3(2)

**Н.Н. СТРАХОВ И В.С. СОЛОВЬЕВ:
СПОР О ТЕОРИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ**

М.В. АТЯКШЕВ

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., д. 6, г. Москва, 125993, Российская Федерация
E-mail: veshiata@yandex.ru

Представлен сравнительный анализ взглядов Н.Н. Страхова и В.С. Соловьева на соотношение национального и общечеловеческого начал в истории. В качестве материала для анализа использована их полемика о значении теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Показаны различия во взглядах мыслителей на идею единства исторического развития человечества, на соотношение национального и общечеловеческого элементов в истории. Выявляются различия в оценках теории культурно-исторических типов с точки зрения ее фактической достоверности и нравственного значения, а также различия в понимании термина «организм» применительно к социальной сфере. Обозначено также различие типов философствования, которых придерживались Страхов и Соловьев.

Ключевые слова: культурно-исторический тип, человечество, всемирно-исторический процесс, национализм, национальное чувство, народность, организм, национальное сознание, единство, самобытность.

**N.N. STRAKHOV AND V.S. SOLOVYEV:
DISPUTE ABOUT THE THEORY OF CULTURAL-HISTORICAL TYPES**

M.V. ATYAKSHEV

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation
E-mail: veshiata@yandex.ru

The article is devoted to the comparative analysis of N.N. Strakhov's and V.S. Solovyev's views of the correlation between national and common human elements in history. The author takes their polemics about the significance of the theory of cultural-historical types by N.Y. Danilevskij as a material for the analysis. The difference in both thinkers' views of the idea of unity of historical development of humanity, of the correlation between national and common human elements in history is shown in the article. Also the author shows, how this difference caused opposed appreciations of the theory of cultural-historical types given by Strakhov and Solovyev from the point of its factual authenticity and especially from the point of its moral value. The different understanding of the term «organism» in reference to social sphere by N.N. Strakhov and V.S. Solovyev is revealed. And the difference between modes of philosophizing which Strakhov and Solovyev had adhered to, is also indicated.

Key words: cultural-historical type, humanity, world-historical process, nationalism, national sense, national character, organism, national consciousness, unity, originality.

Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, представленная им в книге «Россия и Европа» (1871), была принята русской публикой весь-

ма неоднозначно. Славянофилы встретили ее с восторгом¹, западники – в лучшем случае холодно, а то и прямо враждебно. Среди поклонников теории Данилевского был известный ученый, философ и литературный критик Н.Н. Страхов, среди самых убежденных ее противников – философ и публицист В.С. Соловьев. В 1888–1890 гг. между ними произошла весьма острая полемика, которая и станет предметом нашего рассмотрения.

В литературе эта тема не получила достаточно широкого освещения. До революции В.В. Розанов касался ее в своих книгах «Литературные изгнанники» (1913) и «Мимолетное» (1914–1915 гг.), говоря в основном о нравственной стороне полемики. В советское время об этом споре, как и вообще о Страхове и Соловьеве, не принято было писать. Среди постсоветской литературы, в которой освещается эта полемика, стоит отметить монографии А.В. Богданова² и А.А. Васильева³ о почвенничестве, Е.А. Антонова⁴, Н.В. Снетовой⁵ о Страхове, а также сборник статей по итогам конференции «Творческое наследие Н.Н. Страхова и современная социально-гуманитарная мысль»⁶ и коллективную монографию «Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания» под редакцией Н.П. Ильина⁷. Однако во всей этой литературе уделяется мало внимания интересующему нас вопросу об отношении Страхова и Соловьева к идеям Данилевского.

Страхов относился к Данилевскому с большим пиететом и считал его одним из самых выдающихся русских мыслителей. О его книге «Россия и Европа» он писал, что она имеет для славянофильства такое же завершающее и представительное значение, как поэзия Пушкина для русской поэзии после карамзинского переворота или система Гегеля для немецкой философии после Канта⁸. Мнение Данилевского о том, что реально существует не единое чело-

---

¹ Так, И.С. Аксаков, по свидетельству Н.Н. Страхова, восхищался этой теорией и говорил о ней: «Какая радость найти свои давнишние убеждения, но взятые с новой точки зрения и блистательно развитые и доказанные» [1, с. 457–458].

² Богданов А.В. Почвенничество. Политическая философия А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. 144 с.

³ Васильев А.А. Консервативное государственно-правовое учение почвенников (Ф.М. и М.М. Достоевских, А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова). Барнаул: Азбука, 2011. 157 с.

⁴ Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 168 с.

⁵ Снетова Н.В. Философия Н.Н. Страхова (опыт интеллектуальной биографии). Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. 352 с.

⁶ Творческое наследие Н.Н. Страхова и современная социально-гуманитарная мысль: материалы Всерос. науч. конф. Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2003. 233 с. [1].

⁷ Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / под ред. Н.П. Ильина. СПб.: Алетейя, 2010. 207 с.

⁸ Страхов Н.Н. О книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. С. 1. К слову сказать, Соловьев примерно так же оценивал значение Данилевского по отношению к ранним славянофилам, о чем сам и писал Страхову в письме от 5 декабря 1887 г. (См.: Письма В.С. Соловьева. Том I / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1908. С. 43).

вечество, а только отдельные культурно-исторические типы, Страхов разделял вполне – оно было созвучно его собственным взглядам. Сам он понимал всякое целостное социальное образование – народ, культуру, государство, семью – как организм, а всякое развитие этого организма – как саморазвитие, раскрытие тех возможностей, которые изначально были заложены в нем⁹. Человечество же Страхов за такой организм не признавал – в заметке «Цель жизни», изданной уже после его смерти, он писал, что странно считать человечество единым организмом, когда у него нет важнейшего органа – головы. Попытки дать человечеству голову в виде какого-нибудь международного правительствa он считал несостоятельными – по его мнению, для этого нужно, чтобы в человечестве уже наличествовало существенное единство, средоточием которого и будет «голова»¹⁰. Такой взгляд привел Страхова, в молодости бывшего гегельянцем, к утверждению самобытности развития каждого народа и отрицанию единого и закономерного всемирно-исторического процесса.

Соловьев же с его идеалом всемирной теократии, конечно, никак не мог принять идеи Данилевского, согласно которому, высшей реальностью в истории обладают культурно-исторические типы, а человечество есть лишь отвлеченное понятие. Вдобавок он считал, что «Россия и Европа» в царствование Александра III стала «специальным кораном всех мерзавцев и глупцов, желающих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу» [3, с. 59], а потому публичная борьба против нее необходима. В 1887 г. в заметке «Грехи России» (оставшейся неопубликованной при жизни автора) он писал, что Данилевский, «как и все славянофилы, оказался пророком наполовину» [6, с. 208]: так, он совершенно верно указал на нездоровое состояние России, но ошибся, считая его причиной оскудения национального духа и национального чувства. В действительности же, считал Соловьев, источник болезни – не оскудение, а наоборот, гипертрофия национального чувства, выражающегося в самых грубых, языческих формах. И в борьбе с этим грубым национализмом он, конечно, не мог обойти вниманием книгу Н.Я. Данилевского «Россия и Европа».

Эту книгу Соловьев в феврале – апреле 1888 г. резко раскритиковал на страницах «Вестника Европы»: автора он обвинил в малом знакомстве с фактами и умственной беспечности, а саму теорию культурно-исторических типов назвал ползучей, т.е. стремящейся освятить и закрепить современное ей положение раздробленности человечества, и безнравственной, так как она возводит разъединяющее людей начало народности в абсолют¹¹.

Возражая Данилевскому, Соловьев указывал, что сами исторические факты свидетельствуют против теории обособленных культурно-исторических типов, не способных передавать друг другу свои «образовательные начала». Так, христианство, порожденное еврейским типом, было усвоено множеством

⁹ Снетова Н.В. *Философия Н.Н. Страхова (опыт интеллектуальной биографии)*. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. С. 299–300.

¹⁰ Из бумаг Н.Н. Страхова. I. *Цель жизни* // *Русский вестник*. 1898. № 1–2. С. 145.

¹¹ Соловьев В.С. *Россия и Европа* // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 335–336.

других народов, легло в основу романо-германского типа и должно стать одной из основ нарождающегося славянского. Как это можно объяснить, исходя из теории Данилевского?¹² Напротив, утверждал Соловьев, в истории мы видим не простую смену культурно-исторических типов, а постепенное их собирание, объединение в рамках становящейся всечеловеческой культуры. Этапами на пути этого объединения были великие империи древности: Персия, включившая в свой состав Вавилонию, Израиль и Египет; империя Александра Македонского, объединившая все владения Персии и Грецию; наконец, Римская империя, присоединившая к этому культурному ареалу огромные области Западной Европы. Наиболее же полное выражение эта тенденция обрела в Новое время в виде колониальной экспансии европейских стран, распространивших свою культуру почти на весь мир¹³.

Помимо исторических фактов, Соловьев противопоставлял теории Данилевского свою идею человечества как единого организма, утверждая, что оно относится к отдельным народам не как род к видам (по Данилевскому), а как целое к частям. Эта идея, писал он, настолько глубоко укоренилась в человеческом духе, что и сам Данилевский, вопреки собственной теории, в одном месте говорит о культурно-исторических типах как о живых органах человечества¹⁴.

Страхов решительно выступил в защиту Данилевского. По поводу единства человечества, на котором так настаивал Соловьев, он писал, что Данилевский, как истинный христианин, полагал средоточие человечества в Боге, «для которого все мы равно дети, как проповедовал Христос». Связь человека с Богом гораздо сильнее, чем с людьми, и гораздо более важна, она не теряет своей силы и тогда, когда связи с людьми разрушаются. Эта связь с Богом и есть основа истинного христианского единства, тогда как Соловьев, по мнению Страхова, ищет какого-то другого единства¹⁵. Недовольство Соловьева ростом и укреплением национальных государств в Европе (ему виделся в этом возврат к дохристианским временам) Страхов также не разделял. Он видел в этом движение вовсе не назад, а вперед: «Теперь мы требуем, чтобы государство не было только мертвою, сухою формою, чтобы оно имело живую душу, чтобы его подданные ... были связаны мыслями и желаниями, родством физическим и нравственным» [8, с. 405]. И национализм Нового времени, национализм христианских народов, считал он, вовсе не похож на национализм язычников. У язычников каждый народ стремился овладеть другими народами, у христиан же явилось правило, что никакой народ не должен владеть другими¹⁶.

И идеи Данилевского вполне согласны с духом этого христианского национализма. Почти каждый великий (или считавший себя таковым) народ претен-

¹² Там же. С. 356–361.

¹³ Там же. С. 355–356.

¹⁴ Там же. С. 380–381.

¹⁵ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Страхов Н.Н. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.402.

¹⁶ Там же. С. 405.

давал на мировое господство или, по крайней мере, первенство, лидирующую роль в мире. В том же духе представляли себе будущее России и ранние славянофилы, которых Соловьев почему-то хвалит, говоря, что их представление о русском народе как носителе окончательного всечеловеческого просвещения ближе к христианской истине, чем учение Данилевского. Между тем чуть выше он решительно восстает против такого «национального самочувствия», которое видит в своем народе носителя высшей истины, призванного быть первым среди других народов, – но разве не это утверждали славянофилы? «Вот как трудно рассуждать о “солидарности всего человечества”!» [8, с. 406].

Что же касается Данилевского, то он «первым почувствовал и призрачность этих понятий об истории, и всю опасность и мечтательность притязаний на будущее первенство» [8, с. 407]. Его теория культурно-исторических типов лишает эти всемирные притязания самой основы.

А по поводу идеи человечества как единого организма, защищаемой Соловьевым, Страхов писал, что слова «организм», «органический» применительно к человечеству чаще всего употребляются лишь в качестве аналогии, уподобления, так же, как и слова «механизм» и «механический». Такие слова позволяют лучше понять некоторые стороны жизни и деятельности людей, но вовсе не означают, что, например, система управления действительно представляет собой механизм, а народ – единый организм¹⁷. Соловьев даже не считает нужным доказывать свою мысль о человечестве как едином организме, считая ее самоочевидной. Между тем, вопрошает Страхов, где органы этого организма, в какие системы они объединены и как связаны между собой? Какие из этих органов – центральные, какие – служебные? Соловьев не говорит об этом ничего, он совершенно забыл об этом, «поглощенный своими мыслями об отвлеченном единстве» [8, с. 412].

Полемика Страхова и Соловьева на этом не закончилась, однако в дальнейших статьях они оба не высказали ничего принципиально нового по интересующей нас теме, поэтому не станем подробно рассматривать эти статьи. В целом, как отмечает современный исследователь С.М. Климова, полемика эта была утомительной, взаимно неприязненной и творчески непродуктивной. Оппоненты обвиняли друг друга в одном и том же: в неясности понятий, неточности формулировок и безосновательности теорий. Здесь, отмечает Климова, столкнулись два типа философствования: классический, который представлял Страхов, и неклассический в лице Соловьева¹⁸. Этот новый способ философствования Страхов не мог принять и в письме к Льву Толстому от 25 апреля 1887 г., еще до начала полемики, ругал Соловьева за «его высокопарность, туманность, софистичность, его твердое убеждение, что сравнение есть доказательство, а симметрия признаков безусловной истины» [10, с. 348].

¹⁷ Там же. С. 409–410.

¹⁸ См.: Климова С.М. На пороге рождения диалектики культуры, или диалоги Н.Н. Страхова с современниками // Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / под ред. Н.П. Ильина. СПб.: Алетейя, 2008. С. 34–35.

Если же говорить о существенной стороне этой полемики, то, по замечанию А.В. Богданова¹⁹, спор Страхова и Соловьева был отчасти подобен спорам средневековых схоластов об универсалиях. Соловьев в этом споре занимал позицию «культурологического реализма»: он считал, что чем более общим является понятие, тем большей реальностью оно обладает. По отношению к человеку и его исторической жизни таким наиболее общим понятием является человечество. Оно представляет собой организм, хотя и становящийся и еще далекий от завершения, но все же единый, живой и развивающийся. Для Данилевского же и Страхова, стоявших на позиции «культурологического номинализма», человечество было лишь «отвлеченным началом» [10, с. 63].

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Данилевский и Страхов были стопроцентными «номиналистами» и считали человечество лишь фикцией. Они признавали идеальное единство человечества и его «общую сокровищницу», в которой хранятся непреходящие ценности, выработанные всеми культурно-историческими типами²⁰. Но при этом были убеждены, что ценности, наполняющие эту сокровищницу, не могут все же стать основой для всечеловеческого общества, о котором мечтал Соловьев, во всяком случае, для общества живого, а не механического. А общество, устроенное на основе соловьевской идеи всемирной теократии, скорее всего, было бы именно механическим. Ведь Соловьев, как представлялось его оппонентам, во всяком проявлении национальной самобытности склонен был видеть только «душный провинциализм», воинствующую национальную ограниченность²¹, а такой взгляд, как они не без основания полагали, будучи воплощенным в жизнь, неизбежно привел бы к всеобщему обезличению²².

Список литературы

1. Страхов Н.Н. Новая выходка против книги Н.Н. Данилевского // Страхов Н.Н. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 454–476.
2. Страхов Н.Н. О книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. 4 с.
3. Письма В.С. Соловьева. Т. I / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1908. 272 с.
4. Снетова Н.В. Философия Н.Н. Страхова (опыт интеллектуальной биографии). Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. 352 с.
5. Из бумаг Н.Н. Страхова. I. Цель жизни // Русский вестник. 1898. № 1–2. С. 143–148.

¹⁹ См.: Богданов А.В. Почвенничество. Политическая философия А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. С. 63.

²⁰ См.: Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 130.

²¹ В действительности Соловьев был вовсе не так категоричен по отношению к национальному началу. Так, в «Оправдании добра» он писал, что ни националистический, ни космополитический взгляд «не выражает должного отношения к факту народных делений: первый взгляд придает этому факту безусловное значение, которое не может ему принадлежать, а второй отнимает у него всякую значительность» [12, с. 259].

²² См.: Богданов А.А. Указ. соч. С. 64–65.

6. Соловьев В.С. Грехи России // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 207–211.
7. Соловьев В.С. Россия и Европа // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 333–396.
8. Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Страхов Н.Н. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 397–443.
9. Климова С.М. На пороге рождения диалектики культуры, или диалоги Н.Н. Страхова с современниками // Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / под ред. Н.П. Ильина. СПб.: Алетейя, 2008. С. 13–38.
10. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1914. 478 с.
11. Богданов А.В. Почвенничество. Политическая философия А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. 144 с.
12. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 640 с.
13. Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Республика, 1996. 479 с.

References

1. Strakhov, N.N. Novaya vykhodka protiv knigi N.Ya. Danilevskogo [New escapade against the book of N.Ya. Danilevskij], in Strakhov, N.N. *Izbrannye trudy* [Selected works], Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 454–476.
2. Strakhov, N.N. *O knige N.Ya. Danilevskogo «Rossija i Evropa»* [About the book «Russia and Europe» by N.Ya. Danilevskij], Saint-Petersburg: Tipografiya E. Evdokimova, 1887, 4 p.
3. *Pis'ma V.S. Solov'eva* [The letters of V.S. Solovyev], Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908, vol. 1, 272 p.
4. Snetova, N.V. *Filosofiya N.N. Strakhova (Opyt intellektual'noy biografii)* [N.N. Strakhov's philosophy (An attempt of intellectual biography)], Perm': Permskiy gosudarstvennyy universitet, 2010, 352 p.
5. Iz bumag N.N. Strakhova. I. Tsel' zhizni [From N.N. Strakhov's papers. I. The purpose of Life], in *Russkiy vestnik*, 1898, no. 1–2, pp. 143–148.
6. Solov'ev, V.S. Grekhi Rossii [Russia's sins], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Compositions in 2 vol., vol. 2], Moscow: Pravda, 1989, pp. 207–211.
7. Solov'ev, V.S. Rossiya i Evropa [Russia and Europe], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Compositions in 2 vol., vol. 2], Moscow: Pravda, 1989, pp. 333–396.
8. Strakhov, N.N. Nasha kul'tura i vseмирное edinstvo [Our culture and the World unity], in Strakhov, N.N. *Izbrannye trudy* [Selected works], Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 397–443.
9. Klimova, S.M. Na poroge rozhdeniya dialektiki kul'tury, ili dialogi N.N. Strakhova s sovremennikami [On the threshold of birth of Dialectics of Culture, or N.N. Strakhov's dialogs with his contemporaries], in *N.N. Strakhov v dialogakh s sovremennikami. Filosofiya kak kul'tura ponimaniya* [N.N. Strakhov in dialogs with his contemporaries. Philosophy as a Culture of Understanding], Saint-Petersburg: Aleteyya, 2008, pp. 13–38.
10. *Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym* [L.N. Tolstoy's correspondence with N.N. Strakhov], Saint-Petersburg: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1914, 478 p.
11. Bogdanov, A.V. *Pochvennichestvo. Politicheskaya filosofiya A.A. Grigor'eva, F.M. Dostoevskogo, N.N. Strakhova* [Pochvennichestvo. Political philosophy of A.A. Grigor'ev, F.M. Dostoevskij, N.N. Strakhov], Moscow: Izdatel' Vorob'ev A.V., 2001, 144 p.
12. Danilevskiy, N.Ya. *Rossija i Evropa* [Russia and Europe], Moscow: Eksmo, Algoritm, 2003, 640 p.
13. Solov'ev, V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of Good], Moscow: Respublika, 1996, 479 p.